

**ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ РЕАЛИИ
В ХУДОЖЕСТВЕННОМ КОНТЕКСТЕ
(на материале романа Э. Мендосы «Город чудес»)***

О.С. Лиикович

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В центре внимания проблема интерпретации испанских историко-культурных реалий с позиции русскоязычного читателя. Анализ показывает, что целостное восприятие романа Э. Мендосы «Город чудес» зависит от степени понимания читателем отдельных культурно-значимых слов и понятий.

Ключевые слова: реалия, интерпретация, безэквивалентная лексика, перевод, художественный контекст, межкультурная коммуникация.

Термин «реалия» был введен в научный обиход в середине XX в., и с тех пор его семантика регулярно дополняется новым содержанием [1]. Если раньше этот термин употреблялся преимущественно в работах, посвященных теории и практике перевода (Соболев, 1955; Влахов, Флорин, 1980; Супрун, 1958 и др.), то в настоящее время он все чаще востребован в курсах по лингводидактике, культурологии и межкультурной коммуникации (Томахин, 1997; Тер-Минасова, 2000; Новицова, 2003 и др.).

В обзорных статьях, где представлен сравнительный анализ толкований, исследователи отмечают большую вариативность в подходах к интерпретации данного термина [3; 7]. В первую очередь термин «реалия» употребляется в связи с необходимостью перевода на другой язык слов, обозначающих или указывающих на уникальные свойства иноязычной культуры. Основной сложностью, с которой сталкивается переводчик в такой ситуации, — это отсутствие слов-эквивалентов в языках, участвующих в переводе. Именно отсюда берет начало традиция в лингвистике использовать вместо термина «реалия» синонимичные понятия, открыто указывающие на эту характеристику переводимого слова или явления. Так, в исследовании особенностей перевода самобытной лексики С. Влахов и С. Флорин анализируют синонимический ряд наиболее употребительных в таких случаях терминов: «безэквивалентная лексика»; «экзотическая лексика», или «экзотизм»; «варваризм», «локализм»; «этнографизм»; «алиенизм»; «фоновые слова»; «коннотативные слова», «слова с культурным компонентом», «лакуны» [4. С. 36].

Даже не вдаваясь в детальное толкование каждого термина в отдельности, становится очевидно, что все они обладают схожей характеристикой: они соотносятся

---

* Рец. проф. О.А. Саррыкина (МГУ им. М.В. Ломоносова); проф. О.С. Чеснокова (РУДН).

со словами и понятиями, не представленными в другом языке и культуре на лексическом или физическом уровне.

Далее авторы представляют свою классификацию реалий, сделав одно важное замечание, которое в контексте данного анализа можно назвать ключевым.

Речь идет о разграничении реалии-предмета, то есть непосредственно явления внеязыковой действительности, и лексического знака, который этот объект обозначает, т.е. реалии-слова [4. С. 6].

В дальнейшем именно такой лексический подход многие исследователи и особенно переводчики выбирают в качестве основного. Однако мы намерены продемонстрировать более широкий подход по вопросу. Для этого мы воспользуемся определением Л.С. Бархударова: реалии – это «слова, обозначающие предметы, понятия и ситуации, не существующие в практическом опыте людей, говорящих на другом языке» [2. С. 95]. Несмотря на то, что это толкование, с одной стороны, ограничено лексическим подходом, поскольку приводится ученым для безэквивалентной лексики, а с другой стороны, такое определение задает слишком широкий диапазон применения, и в рамках нашего исследования мы ориентируемся именно на такое определение. Прокомментируем данное положение.

Во-первых, поскольку мы анализируем реалии в художественном тексте, значит, мы имеем дело с вторичной знаковой системой [5]. Этот фактор предопределяет ситуацию, когда по объективным причинам невозможно говорить непосредственно о реалии-предмете, но с успехом можно прибегнуть к термину реалии-слова, следуя классификации С. Влахова и С. Флорина.

Роман «Город чудес» был издан впервые в 1986 г. в Барселоне. В 2004 г. он был переведен на русский язык, и именно этот вариант текста составляет основу нашего анализа [6]. Однако заметим, что мы не ставим себе в качестве первостепенной задачи выявление безэквивалентной лексики и ее сравнение в оригинальном и переводном тексте. Кроме того, работая с художественным текстом, мы не должны забывать, что явления-реалии могут быть представлены имплицитно. В этом случае иноязычному читателю понадобится его языковое чутье и эрудиция.

Наконец, отметим, что при данном анализе для нас принципиален именно факт отсутствия конкретных явлений в «практическом опыте людей» и их «незнакомость» носителям иной культуры. Объект нашего исследования принадлежит другому языковому и культурному пространству, и здесь нам важен комплексный подход, необходимый для полноценного восприятия художественного текста иноязычным читателем. Это замечание особенно актуально, когда речь идет о художественном произведении, содержащем богатый экстралингвистический и исторический материал, каким и является текст романа Э. Мендосы. Более того, как известно, следуя своему замыслу, автор реконструировал события, происходившие более века назад. Учитывая эту диахроническую перспективу, стоит предположить, что дополнительные комментарии будут востребованы и среди современных испаноязычных читателей.

Основу сюжета романа «Город чудес» составляет исторический момент подготовки и проведения в Барселоне Всемирных выставок 1888 и 1929 г. На примере главного героя Онфоре Боувилла возможно проследить, как изменялась в течение

четырёх десятилетий жизнь нескольких поколений людей и как эволюционировал сам город.

Появлению этого романа предшествовали несколько лет работы автора в библиотеках и архивах каталонской столицы [8]. Этот труд был оправдан: роман изобилует историческими событиями и персонажами, элементами культурного наследия и топонимическими номинациями.

Богатство представленного фактологического материала о Барселоне объясняет высокий интерес к произведению со стороны испанской аудитории. Однако в предисловии к одному из переизданий романа Э. Мендоса, ссылаясь на отклики первых читателей и их вопросы о подлинности изложенных фактов, заметил, что в первую очередь это роман-новелла [9]. Такой комментарий создает для читателя дополнительную интригу и вызывает в нем желание узнать, что именно из представленного материала является исторической правдой, а что вымыслом. Всё же не будем забывать, что наш анализ ориентирован, в первую очередь, на культурно-исторические реалии с позиции носителя иной культуры.

Уже в первой главе романа перечислены основные вехи истории Барселоны, начиная с тех времен, когда регион являлся колонией Карфагена. Здесь же мы встречаем и первые упоминания исторических персоналий, как хорошо известных массовому читателю (Ганнибал), так и тех, чье имя мы можем обнаружить в исторической хронике Испании X—XI вв., например, Аль-Мансур Милосердный, или Беспощадный (в испанском варианте — *Almanzor o Al-Mansur el Píadoso, el Despiadado*) [б. С. 9].

По мере развития сюжета автор вводит в повествовательный контекст новые персоналии. При описании сцены торжественного открытия Всемирной выставки 1888 г., чтобы подчеркнуть важность происходящего, автор приводит имена почетных гостей мероприятия. Среди пяти тысяч присутствовавших на приеме упоминаются принцесса Астурийская донья Мария де лас Мерседес, герцогиня Эдинбургская, герцог Генеузский, герцог Эдинбургский, принц Рупрехт Баварский, принц Георг Уэльский и сам председатель Совета министров Испании — дон Праседес Матео Сагаста [б. С. 188]. Перечисление этих имен погружает читателя в исторический контекст и заставляет поверить в реальность происходящего. Однако дальнейший ход сюжета заставляет читателя усомниться в его возможности. Так, в один из моментов у амбициозного героя, Онофре Боувила, появляется возможность быть гостем на приеме в честь четы Романовых, где в том числе присутствует князь Юсупов и Григорий Распутин [б. С. 413]. Тем не менее, в открытых источниках мы не находим упоминания о том, что Распутин когда-либо бывал в Испании.

В целом, на протяжении всего романа встречается значительное количество исторических персоналий и героев. И если имена таких знаковых фигур, как королева Виктория, Франц Фердинанд Австрийский, Наполеон Бонапарт, королева Виктория Евгения Баттенберг, королева Мария-Кристина, дон Альфонс XII помогают читателю воссоздать в своем воображении колорит той эпохи, то другие персоналии не вызывают никаких исторических ассоциаций.

Прибегнув же к помощи доступной справочной литературы, обнаруживаем, что отдельные перечисленные имена, очевидно, являются вымышленными. Например, в эпизоде подавления восстания, помимо фигуры генерала Примо де Ривера, встречаем еще около десятка имен: «...к навильону выдвинулись следующие силы: отряд муниципальной полиции под командованием лейтенанта дона Альваро Планаса Гасульи, расчет пехотинцев из Бадахоса под командованием капитана дона Агустина Мерино дель Кордонсильо, рота жандармерии под командованием капитана дона Анхеля дель Ольмо Мендеса ...» [6. С. 642].

В русскоязычном издании к данному эпизоду не представлены поясняющие комментарии, и мы не можем судить, достоверна ли приведенная информация. Однако стоит признать, что такое насыщение именами создает трудности для восприятия читателем общего хода повествования. В этой же связи сложно определить содержательную нагрузку эпизода в целом. Вероятно, таким образом автор лишний раз напоминает доверчивому читателю, что перед ним, в первую очередь, плутовской роман, а не историческая хроника.

В романе помимо узнаваемых имен встречаем и такие национально-культурные элементы, которые помогают воссоздать социально-экономический контекст исторического времени. Так, Барселона представлена в тот исторический момент, когда она превращалась из центра аграрного региона в индустриальную столицу с прочными экономическими связями. На первых страницах романа устами одного из эпизодических героев автор называет Каталонию «*табуретом Испании*», поскольку регион славился добычей древесины и пробкового дерева [6. С. 16]. По мере развития сюжета мы наблюдаем эволюцию технических средств. Например, в начале романа еще упоминаются дилижансы, играющие важную роль на протяжении всего XIX в., но постепенно вытесняемые строящимися железными дорогами. В одной из последних глав главный герой приезжает в отчий дом уже на автомобиле [6. С. 436].

Для нас важен тот факт, что именно проведение выставки 1888 г. предопределило дальнейшее индустриальное развитие всего региона, оставив помимо технических новшеств значительное культурное наследие. Среди них отметим строительство Триумфальной арки и преобразование парка Сьюдаделы, которые и на сегодняшний день являются узнаваемыми образами города, и упоминание которых мы также обнаружим в книге. В нескольких эпизодах есть указание на главный символ современной Барселоны — Собор Святого Семейства [6. С. 316]. Автор неоднократно приводит суммы, которые были затрачены на строительство того или иного объекта, но поскольку финансовых документов тех лет в открытом доступе не имеется, не представляется возможным проверить подлинность этих сведений.

Действие самого романа происходит за кулисами этой масштабной стройки, где в том числе в начале своего пути трудился и главный герой. Благодаря описанию его жизни мы узнаем об элементах каталонской культуры. Речь не только об уже хорошо знакомых традициях: послеобеденном сне — сиесте или бое быков. Это и традиционные блюда, как-то: рождественский туррон или пирог Сан-Жоана

(*coca de Sant Joan*), который готовится в преддверии праздника одноименного святого в ночь с 23 на 24 июня.

В ряду этнографических реалий необходимо отметить и народные празднества. В оригинале текста мы встретим лишь их названия – *la fiesta de la vendimia o la de la siega*, тогда как в русскоязычном издании переводчик дает необходимую краткую характеристику этих народных гуляний: «вендимья, праздник сбора винограда, или съега, праздник жатвы» [6. С. 472].

Внимательный читатель обнаружит в тексте название одной из самых популярных карточных игр Испании, которая берет начало в Стране басков. Игра «мус» представляет собой комплекс партий, разыгрываемых при помощи традиционной испанской колоды из 40 карт. Эта игра крайне популярна и в наши дни, в отличие от игрушки под названием «бильбоке», которая представляет собой шарик, прикрепленный веревкой к палке. В XIX в. это развлечение вызывало интерес у жителей Старого и Нового света, однако у современного читателя нет устойчивого образа, который должна вызывать эта игрушка в контексте повествования [6. С. 31].

Испания известна своей богатой религиозной традицией. Почти каждый испанский город имеет своего покровителя. Заступницей Барселоны считается Святая мученица Эулалия, легенда о которой также запечатлена на страницах романа [6. С. 596]. Однако есть упоминания о других мучениках, почитаемых испанской католической Церковью: святая Лукреция (*Santa Lucrecia*) из Кордовы; святая Леокадия (*Santa Leocadia*), покровительница Толедо; святая Инес (*Santa Agnes*); святой Христофор (*San Cristobal*), «заступник всех странствующих в прошлом и всех автомобилистов в настоящем» [6. С. 11]. В честь каждого покровителя устраиваются народные гуляния — *вербены*, о праздновании которых мы также узнаем благодаря авторскому комментарию.

Моделируя художественную реальность, автор намеренно использует культурно-значимые маркеры, которые у каждого читателя вызывают свои этнокультурные, исторические, топографические, временные и, возможно, самое главное — эмоциональные ассоциации. Несмотря на свою лексическо-семантическую природу, реалия-слово прочно связана с внеязыковой действительностью. Рассуждения о том, какие функции выполняет реалия в тексте, можно условно свести к формуле — **необходимость передать колорит** [4. С. 15]. Аналогично сформулированная задача стоит и перед переводчиком, на котором лежит ответственность за воссоздание средствами другого языка национально окрашенного фона повествования.

Предлагаемый анализ лишь частично использует историко-культурный материал, представленный в романе Э. Мендосы «Город чудес». В круг первостепенных задач нашего анализа не входила структуризация имеющихся в тексте романа реалий испанской культуры. Тем не менее, мы сторонники сознательного прочтения и интерпретации экстралингвистических данных, когда у читателя есть возможность изучить по мере чтения романа и его культурно-исторический контекст.

Подводя предварительные итоги, заметим, что одним из способов решения такой задачи может быть составление отдельного послетекстового словаря-справочника по испанской культуре или предоставление расширенных послетекстовых комментариев, разработанных специально для русскоязычного читателя.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ахманова О.С.* Словарь лингвистических терминов. Изд. 4-е, стереотипное. М.: Ком-Книга, 2007.
- [2] *Бархударов Л.С.* Язык и перевод. М.: Международные отношения, 1975.
- [3] *Вернигорова В.А.* Понятие реалии в современном переводоведении: Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2010. № 3 (34): в 2 ч. Ч. II. С. 137—141.
- [4] *Влахов С., Флорин С.* Непереводимое в переводе: учебное пособие. М.: Международные отношения, 1980.
- [5] *Лотман Ю.М.* Семиотика культуры и понятие текста: Избранные статьи. Таллинн, 1992. Т. 1. С. 129—132.
- [6] *Мендоса Э.* Город чудес. М.: Махаон, 2006.
- [7] *Моисеенко Л.В.* Лингвокультурологическая проблема классификации реалий // Вестник ОГУ. Оренбург, 2005. № 11. С. 155—161.
- [8] *Garbisu Buesa M.* El juego realidad-ficción en La ciudad de los prodigios de Eduardo Mendoza: Espéculo. Revista de estudios literarios. Universidad Complutense de Madrid. Madrid, 2000.
- [9] *Mendoza E.* La ciudad de los prodigios. Barcelona, Editorial Seix Barral, S.A., 1999.

HISTORICAL AND CULTURAL REALIAS WITHIN A FICTIONAL CONTEXT (a Case Study of the Novel “The City of Marvels” by E. Mendoza)

O.S. Lilikovich

Foreign Languages Department
Philological Faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Author focuses on the problem of the interpretation of Spanish historical and cultural realias from a Russian-speaking reader's point of view. The analysis shows that deep comprehension of the novel “The City of Marvels” by E. Mendoza depends on the proficient understanding of separate key words and notions which are culturally determined.

Key words: realia, interpretation, culture-specific items, translation, finctional context, intercultural communication.

REFERENCES

- [1] *Ahmanova O.S.* Slovar lingvisticheskikh terminov. Izd. 4-e, stereotipnoye. M.: KomKniga, 2007.
- [2] *Barkhudarov L.S.* Yazyk i perevod. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1975.
- [3] *Vernigorova V.A.* Ponyatiye realii v sovremennom perevodovedenii: Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya. Tambov: Gramota, 2010. № 3 (34): v 2 ch. Ch. II. S. 137—141.
- [4] *Vlahov S., Florin S.* Neperevodimoye v perevode: uchebnoye posobiye. M.: Mezhdunarodnye otnosheniya, 1980.
- [5] *Lotman Yu.M.* Semiotika kultury i ponyatiye teksta: Izbrannye statyi. Tallinn, 1992. T. 1. S. 129—132.
- [6] *Mendoza E.* Gorod chudes. M.: Mahaon, 2006.
- [7] *Moisienko L.V.* Lingvokulturologicheskaya problema klassifikatsii realiy // Vestnik OGU. Orenburg, 2005. № 11. S. 155—161.
- [8] *Garbisu Buesa M.* El juego realidad-ficción en La ciudad de los prodigios de Eduardo Mendoza: Espéculo. Revista de estudios literarios. Universidad Complutense de Madrid. Madrid, 2000.
- [9] *Mendoza E.* La ciudad de los prodigios. Barcelona, Editorial Seix Barral, S.A., 1999.